

Надель-Червиньска М.  
Катовице, Польша  
Червински А.  
Иерусалим, Израиль

**МЕСТО УГОЛОВНОГО ЖАРГОНА  
В РУССКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА  
(ШКАЛА ЦЕННОСТЕЙ)**

УДК 81'371  
ББК Ш 141.2-7

**Аннотация.** В статье рассматривается место уголовно-лагерного жаргона в контексте русской ментальности. Феномен пересечения дискурсов политического и массовой поп-культуры, отражением которых служат, в частности, клипы дуэта «Тату». Рассматривается шкала субкультурных ценностей. Представлены в перспективе фонды словарей лексики данного типа.

**Ключевые слова:** русская ментальность; политический дискурс; уголовная психология и картина мира; жаргонная лексика; поп-культура.

**Сведения об авторе:** Надель-Червиньска Маргарита, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института восточнославянской филологии.

**Место работы:** Силезский университет.

**Сведения об авторе:** Червинская (Червински) Аурика, магистр психологии, доктор, директор Центра лингвопсихологии, NICOMANT, издатель.

**Место работы:** Научно-исследовательский центр лингвопсихологии NICOMANT (Иерусалим, Израиль).

**Контактная информация:** ul. Grota-Roweckiego, 5. 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com, m.onishchenko@mail.ru (для Надель-Червиньска М.);  
tab6570@gmail.com; nicomant@gmail.com (для Червиньски А.)

Nadel-Chervinsky M.  
Katowice, Poland  
Chervinsky Aurika  
Jerusalem, Israel

**THE PLACE OF THE CRIMINAL JARGON  
IN THE RUSSIAN IMAGE  
OF THE WORLD (SCALE OF VALUES)**

ГЧТИИ 16.21.27  
Код ВАК 10.02.19

**Abstract.** In the article the place of criminal jargon in the context of Russian mentality is considered. The phenomenon when political discourse and mass pop-culture discourse overlap, the reflection of which are, in particular, the clips of the «Tatu» duet. The scale of sub-cultural values is considered. Funds of dictionaries of lexicon of the given type are presented in the long term.

**Key words:** Russian mentality; the political discourse; criminal psychology and picture of the world; slangy lexicon; the priest-culture.

**About the author:** Nadel-Czerwińska Margarita, candidate of filological sciences, associate professor of the Chair of Russian Language of the Institute of East Philology.

**Place of employment:** University of Silesia.

**About the author:** Chervinsky Aurika, magister of psychology, doctor, director of the virtual Center of Linguopsychology NICOMANT, editor.

**Place of employment:** Science Research Center of Linguopsychology NICOMANT (Jerusalem, Israel).

Русскоязычный уголовный жаргон XX столетия уже полвека привлекает к себе серьезное внимание исследователей-лингвистов как на территориях бывшего СССР, так и за его пределами. Это закономерно, потому что огромный лексический и фразеологический жаргонный материал отражает специфику большой тоталитарной державы, называемой на том же субкультурном языковом уровне *большая зона коммунизма* [Балдаев 1992: 407]. Правильнее данный лексикон будет называть *тюремно-лагерный жаргон*, поскольку годы сталинских репрессий, а затем период так называемого брежневского *застоя* значительно разбавили в тюрьмах и лагерях традиционный уголовный контингент качественно иным – политическими заключенными. И это специфическое явление значительно пополнило и расширило субкультурный язык *зон заключения*.

Одновременно с тем этот язык своеобразно отразил специфическую картину мира, свойственную личности несвободной, искусственно изолированной от внешнего мира сначала *собственно колючей проволокой*, а затем сознанием того, что данное лицо *побывало в местах заключения*. Курсивом в нашей статье здесь и

далее выделяем единицы *жаргонные*, а также те лексемы и выражения, которые в русском языке советской и постсоветской эпохи маркируют отношение к *принудительной изоляции*. К примеру, в разряд таковых попадают языковые единицы официальной речи – *находиться под следствием, отбывать срок, без права переписки, высшая мера, либо единицы просторечного характера – отсидка, лишенец (в правах), доноситель, писать куда следует*.

Кроме того, что тюрьмы и лагеря принимали потоки *политических*, уже сам *железный занавес* превращал всю страну в место вынужденной *принудительной изоляции* граждан. Поэтому элементы этого языка органически и прочно вошли в разные сферы коммуникативного взаимодействия.

И нужно подчеркнуть, что два последних десятилетия еще более обнажили проникновение элементов данного жаргона как в живую разговорную речь, так и в различные стилистические слои современного русского языка: «Да, общение происходит без переводчика. Лагерная *феня* давно и основательно освоена разговорным русским языком, просторечьем. А с лагерной литературой жаргон зоны активно про-

никает в литературную норму. (Это до жаргона каких-нибудь программистов ему, просторечью, нет дела. Ну в самом деле, сколько их, этих программистов? Да и до *всеобщей компьютеризации* стране вчерашней *всеобщей лагеризации* семь верст до небес...)» [там же: 6].

Именно поэтому лингвисты все чаще и чаще вынуждены обращаться к проблеме описания субкультурной лексики, в частности – описания *лагерного советского новояза* [там же: 7], ее функциям в речи, экспрессивной окраске и т.д.

Уголовный жаргон как явление субкультурное. Все то, что сказал в приводимой ниже цитате В. Елистратов об *арго*, в полной мере приложимо, на наш взгляд, также и к русскоязычному *уголовному жаргону*, а если брать шире – то к *тюремно-лагерному* в целом. Об *арго* же у Елистратова говорится следующее: «...арго является одним из самых «синкретических» феноменов языка. Для объяснения его природы недостаточны ни узко-лингвистические, ни узко-социолингвистические, ни какие бы то ни было иные специализированные исследования. В арго в один пучок собраны язык (со всей экстралингвистической семиотической палитрой средств), быт, социальные отношения, социальная и индивидуальная психология и культура в самом широком понимании этого слова» [Елистратов 2000, 574, 582].

Как различные подсистемы культуры имеют свою специфику развития, так и жаргоны (а в монографии Елистратова – *различные арго*) развиваются по-разному, отражая, однако, при этом черты общей эволюции национального языка. *Арготизм*, а в нашем случае – *жаргонизм*, всегда выглядит случайной аномалией, противостоящей *нормативному* языку. Поэтому В. Елистратов характеризует арготический материал как своеобразное собрание массы частных, кажущихся, на первый взгляд, неважными [там же]. То же можно сказать и о *жаргонизмах* в целом.

Поскольку нас интересует в данном случае вполне конкретная жаргонная лексика (русскоязычной тюремно-лагерной субкультуры), то не будем останавливаться здесь на сложном, весьма размытом терминологическом вопросе, что есть *арго*, что *жаргон*, а что *сленг*, поскольку в российском языкознании на этот счет, как известно, мнения существуют самые разные. С нашей точки зрения, речь в любом случае идет о различных *жаргонах*.

В свою очередь, термины *арго*, французского, и *сленг*, английского происхождения, параллельно называвшие первоначально то же самое языковое явление, в современном русском языковедении переосмыслились и стали приложимы теперь к определенным, более узким, формам жаргона. Первый – к *городским* (мос-

ковское, питерское, одесское), второй – к *молодежным* (студенческий, школьный, наркоманский, пограничный к двум последним – фановский, или, что звучит немного лучше, фанатский) и *молодежно-профессиональным* (музыкантов, художников, рокеров и т.д.).

Былое пристрастие к *молодежному жаргону*, если оно активно проявляется в более зрелом возрасте, предполагает некоторую ювенильную незрелость личности или же стремление выглядеть значительно моложе своих лет. Проявляется это на коммуникативном уровне в стремлении разговаривать на равных с молодежью (что называется *говорить на ее языке*) и тем самым как бы приравнять себя к ней. Владение лексиконом молодых позволяет как бы приобщиться к их образу жизни (принимая чужой стереотип мышления и поведения), словно бы увидеть их глазами окружающий мир (используя заимствованные клише мироощущения). И то и другое находит проявление в речи.

Такое пристрастие к молодежному лексикону и эффектным жаргонным словечкам уже стало как бы традиционным в средах артистических: человек художественной природы должен быть молод душой. В последнее время увлечение молодежным жаргоном все чаще является коммуникативным проявлением совсем иной речевой среды, а именно – лиц педофильной ориентации, для которых важно получить доверие и расположение тех, кто намного их младше. Склонность «молодиться» на уровне речевого взаимодействия характерно также для людей в возрасте, избирающих сексуальными объектами и партнерами, в том числе для супружества, лиц, моложе себя более чем на десяток лет.

О необходимости новых подходов к описанию жаргонной лексики. Полностью соглашаясь с положениями В. Елистратова по поводу того, что *жаргон* (добавим от себя – пожалуй, любой субкультурный), по сути своей, явление *синкретическое* и что описание его, и жаргона и явления в целом, с позиций какой-либо одной научной дисциплины всегда оказывается неполным, недостаточным, авторы данной статьи, со своей стороны, уже 15 лет разрабатывают собственный комплексный подход к изучению этого обширного и многообразного языкового материала.

В основе такого подхода, названного нами *лингвопсихологическим*, – широкое сочетание принципов и методов, используемых смежными науками в аналитических целях. В работе по описанию лексического материала применяются также некоторые элементы психоанализа, что уже дало определенные положительные результаты не только в описании *уголовного жаргона*, но и в описании других специфиче-

ских проявлений речевого узуса [См.: Chervinsky 1998; 1999; *Метафоры русского сексуального EGO* 2001]. Данная же статья является еще одним, пусть незначительным, шагом на пути систематизации разнородного жаргонного материала в процессе нашей многолетней работы – работы по составлению *электронных баз русского и польского жаргонов маргинальных сред* и составлению *словарных фондов* разноцелевой направленности.

Итак, по академическому определению Л. Скворцова, *жаргон* – это некая «социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств» [Скворцов 1997]. Не останавливаясь специально на *профессиональных жаргонах*, описание которых не входит в наши задачи, читаем там же далее следующее: «В нестрогом терминологическом смысле *жаргон* употребляется для обозначения искаженной, вульгарной, неправильной речи [то же, что *арго*], но с пейоративной, уничижительной, оценкой». Как считают В. Мокиенко и Т. Никитина, *жаргон* – это «дефиниция, как представляется, довольно точно очерчивает круг лексем и фразем, оставшихся за пределами литературного языка и региональных диалектов и являющихся объектом *жаргонографии*» [Мокиенко 2000].

Как русскоязычные *словари жаргонизмов* [Балдаев 1997], так и польскоязычные [Stkpniaк 1993], включают в себя лексем и фраземы не одного, а целого ряда жаргонов. В частности, они обычно включают в себя элементы жаргонов *уголовного*, в том числе *тюремного-лагерного, молодежного*, в том числе *школьного, рыночного*, а также жаргонов *наркоманов, проституток, музыкантов* (гибрид *профессионального и наркоманского*), *номенклатурного* (смесь *административно-партийного* и лексикона *карательных органов* – от *ЧК* до *ФСБ*, для России) и некоторых других субкультурных групп. Примером последнего может служить *жаргон гомосексуалистов*, как лиц искусственно поставленных в стране вне закона и десятилетиями преследуемых в уголовном порядке – по специальной статье Уголовного Кодекса СССР – за их сексуальную ориентацию.

Необходимо при этом отметить, что за пределами современных *словарей жаргонизмов*, включая также иные, не жаргонные, издания *словарей ненормативной лексики*, остается современный *административно-партийный лексикон*, который, кстати сказать, активно используется в средствах массовой информации, публицистических изданиях и на уровне высших и средних коммуникативных контактов. Тем

самым эта новая форма *жаргона*, или, как теперь говорят, *новояз*, используется сегодня на тех уровнях общения, на которых должно использовать язык, соответствующий литературной норме.

О концепции словарей жаргонной лексики как словарей нового типа. Разграничение жаргонных языковых единиц внутри словарных фондов, по сферам их бытования и путям заимствования, в рамках настоящей работы в наши задачи не входит. В контексте же составления упомянутых выше *компьютерных словарных баз* эта задача крайне важна и обязательна для авторов, а потому в рабочем порядке уже решена.

Проделанная за 15 лет работа стала основой научного проекта *Номинации предметного мира маргинальных сред*, с последующим уточнением – *Лексика подстандарта в сопоставительном (конфронтативном) русско-польском аспекте*. Предварительная часть проекта состоит из следующих этапов:

1) Составление компьютерного *банка данных* (словарные *базы данных* разных источников). Русскоязычный материал в настоящее время обработан на 85 %, польский – на 50 %.

2) Разграничение жаргонных языковых единиц внутри словарных фондов по сферам их бытования (1) и путям заимствования (2). В плане 2.1 русский материал обработан на 100 %, польский – на 80 %. В плане 2.2, этимологическом, русскоязычный материал обработан приблизительно на 25 %, с польскоязычным ведется работа, для чего в дальнейшем будут также широко привлекаться для экспертизы, что вполне естественно, носители языка.

3) Составление *сводного словаря русской подстандартной лексики*. Составление электронного *банка данных* разных источников уже является подготовительной частью этой большой работы. Однако сам *сводный словарь*, на наш взгляд, станет завершающим и результативным этапом всего проекта (При этом идея типологизации материала, а также структуры словаря принадлежит А. Червински (А. Chervinsky), структура словарной статьи на данном, рабочем, этапе – М. Надель-Червиньской (M. Nadel-Czerwiciska)). На данном этапе, в частности, еще только вырабатывается общая концепция такого итогового словаря, варьируются формы наглядного представления в нем лингвистического материала (акценты дефиниций, система помет, графическое оформление, возможный максимальный и минимальный информативный объем словарной статьи).

4) Разграничение в электронной *базе данных уголовного жаргона* языковых единиц *условно нейтрального характера* (вошедших в обиход разговорной речи и отчасти утративших в сознании носителей языка связь с уголовным

менталитетом) и единиц выраженного *садического характера* (употребляющихся в речи с целью нивелирования личности объекта речи) [см.: Барт 1992]. Барт разделяет понятия *са'довский* (имеющий отношение к маркизу, ему принадлежащий, свойственный) и *садический* (по контексту имеющий отношение и принадлежащий к садистскому мировоззрению, а также к садистской форме сообщения с внешним миром) [См. также: Червински 1998: 243-256; Chervinsky 1999: 97-99]. Разграничено приблизительно 90% русскоязычного материала. Соответственно, как следующий этап работы, – составление *лингвопсихологического словаря садического языка русского уголовного жаргона*. Концепция словаря принадлежит А. Червински, проект 1992 года. Отбор и составление словарного материала продолжалось до 1995 года. Лингвистическое и графическое оформление чернового варианта издания в дальнейшем осуществлено М. Надель-Червиньской. Словарь практически готов, впереди осталась техническая работа – подготовка его материалов к публикации.

5) Следующий этап работы, к которому также уже приступили, – это составление *семи тематических словарей* под общим названием: *Иерархия ценностей в уголовном жаргоне* [Червиньская 2003: 284-289]. Фонды этих словарей в черновом варианте уже готовы и в настоящее время проходят техническую и редакторскую обработку материала, готовящегося к изданию. Тематическое разграничение лексики уголовного жаргона, как русского, так и польского, позволяет с различных сторон и наиболее полно описать примитивную картину мира, свойственную языковому сознанию криминальной субкультуры.

6) Как возможный и желательный в будущем окончательный выход проекта – составление *двуязычных словарей уголовного жаргона* (русско-польского, русско-испанского и, возможно, русско-немецкого). К работе над первым из них, русско-польским, авторы уже приступили. Однако в этом направлении сделаны еще только первые шаги.

Так, 1 – уже сделан сопоставительный анализ употребления *имен собственных* [Czerwinska 2004: 179-188] в том и другом жаргонах; в плане изучения и описания материала русскоязычного жаргона, *уголовного либо к нему пограничного*, 2 – с разных точек зрения проанализирован топонимический жаргонный материал (микротопонимия Ленинграда-Петербурга); 3 – в рабочем порядке рассмотрены некоторые лингвопсихологические аспекты отношений *лицо, от которого зависят, – лицо, которое зависит* (в контексте а) *административного* и б) *армейского* жаргонов); 4 – продолжается разносторонний сопоставительный

анализ русских и польских лексиконов в) *наркоманов* и г) *алкоголиков*; заметим при этом, что суицидальный синдром, или тенденция личности к самодеструкции, является одним из главных аспектов *садического языка*; 5 – в определенной степени уже описан *эвфемистический принцип* маргинальных жаргонов, или так называемого д) *обратного языка* (как определяется он в наших работах (Термин заимствован у Дж. Родари, из его политического памфлета сказки, где все в стране пользовались, по указанию короля, *обратным языком*, чтобы только не называть вещи прямо – своими именами. [См.: Родари 1961])); интересно прослеживаются проекции данного пограничного коммуникативного явления в языке ретроспективной и современной российской политики; а также 6 – проанализированы некоторые аспекты употребления в речи *обсценичной лексики*, что свойственно, в первую очередь, представителям криминальных маргинальных сред.

7) В контексте проводимого нами с 1992 года лингвопсихологического исследования *примитивной картины мира криминальных сред* и ее языковых проекций в смежных жаргонах разного типа, каковыми являются лексиконы уголовников, лагерных заключенных, жертв репрессий, а также алкоголиков, наркоманов, проституток, представителей теневого бизнеса, гомосексуальных сред и т.д., представилось возможным составление *семи тематических словарей жаргона* криминальной и пограничных к ней сред. Первый из них в настоящее время готовится к печати. Материал остальных шести отобран, но еще нуждается в технической обработке – в ходе создания предварительной, компьютерной, версии этих словарей.

Иерархия ценностей уголовного сознания как основание выделения лексического круга для каждого тематического словаря

Как известно, коммуникативные отношения в криминальной среде упорядочены и ограничены жесткими схематическими правилами, нарушать которые строго запрещается самой субкультурной средой. Правила эти накладывают неизбежный отпечаток и на языковую картину мира – такую, какой она представляется субкультурному мироощущению. При этом представители маргинальных групп на речекommunikативном уровне постоянно воссоздают эту картину жаргонными средствами. Примитивность языковых средств естественным образом определяет примитивность картины мира, а жесткость схематических правил – ограниченное пространство такой картины. А также определяет, что мотивировано в языке объективными обстоятельствами данных коммуникативных моделей, узость кругозора носителя жаргона (камера, тюремный двор, окруженное провололочным ограждением лагерное пространство).

В литературном языке жесткие правила уголовного мира издавна назывались метафорически и описывались в языке опосредованно. Их называли *звериными*, или *волчьими*, *законами*, а также *законом стаи*. В публицистике встречаем им несколько иное определение – *тюремные*, либо *лагерные*, *правила*. На *блатном жаргоне*, или *на языке блатарей*, как фиксируют словари ненормативной лексики, это называется *воровской закон* или же более обобщенно, широко – просто *закон*. Отсюда жаргонные лексемы *законник*, *законный* называют «вора, соблюдающего закон» (см. также: *авторитет* и *вор в законе*).

Сравним со словарными определениями Д. Балдаева: «*Вор в законе* – авторитетный, опытный вор, с мнением которого в воровской среде нельзя не считаться. Наречение вора *вором в законе* происходит на *сходках*. Одно из условий перевода в этот «ранг» – несомненное соблюдение *воровского закона*. *Вор в законе* – заключенный-вор, вынужденный работать в ИТУ (исправительно-трудовом учреждении) наравне с другими заключенными» [Балдаев 1992: 47,84]. Тем самым, во втором случае, уголовник, он же *законник*, как бы не соответствует своему высокому статусу, определяемому его принадлежностью к криминальной субкультуре, где *закон* всеми строго соблюдается. В современной обстановке *воровской закон* уступил первенство *законам мафии*, т.е. еще более жестким, жестоким правилам игры в среде своих, принадлежащих ей и от нее зависящих.

#### Иерархия воров

Такие законы устанавливают также и иерархические отношения в криминальном сообществе. Так, наверху этой лестницы оказывается главарь преступной группы – *бондарь*, *волк*, *заказчик*, *иван иванович*, *князь*, *пахан*. Имеют свои названия также *авторитеты*, или *воры в законе*: *автоматчик*, *безлошадный*, *блатняк*, *бугор*, *джага*, *утюг*. Опытный пожилой вор либо воровка называются *аристократ(ка)*, *бобёр*, *большой человек*, *мамура*, *маханша*, *уркаган*, *уркач*; молодой и неопытный – *баклан*, *брус шпановый*, *жиган*, *камса*, *обезьян(к)а*, *пацан(ка)* с прибавлением *зелёный* либо *золотой*.

Вору-наставнику (*гувернёр*, *козлятник*, *маз*) в воровском жаргоне противопоставляется мелкий вор (*вшиварь*, *гусиносик*, *жулик*, *опарыш*, *пачкун*), а вору-одиночке (*единоличник*, *кустарь*, *лях*, *польский вор*, *поляк*, *сыроед*) помощник вора (*агент*, *наводчик зячий*, *поддужный*, *подпасок*, *подхват*) и человек на побегушках, воровская прислуга (*алёшка*, *бой*, *вайс*, *василёк*, *гарсон*, *прошка*, *халдей*, *холоп*, *шестёрка*, *шнурок*, *яшка*). Свое место в этой иерархии занимают также человек, стоящий на страже (*атасник*, *кукушка*, *рында*, *семафор*), и скупщик, сбывающий краденное (*барахольщик*, *ба-*

*рыга*, *золотарь*, *каин*, *мешок*, *паук*, *тёща*, *толкач*, *шмоткин*, *ямник*).

Однако наиболее дифференцированную иерархию на языке бандитской *фени* имеют профессионалы-специалисты (воры, грабители, убийцы). Они делятся на группы по месту кражи – *буфетник*, *майданник*, *поездушник*, *транспортник*, *рыночник*, *чердачник*; по способу кражи и взлома – *верхолаз*, *карманник*, *избач*, *стекольщик*, *фортач*, *щипач*, *удильщик*; по цели кражи и взлома – *торбохват*, *медвежатник*, *могильщик*, *кассир*, *скотник*; по времени совершения преступления – *сонник*, *утренник*; по уровню мастерства – *громщик*, *писатель*, *скачок*, *халтурник*, *художник*, *ювелир* и так далее. Осбые названия имеет и убийца – *коцап*, *кошатница* (*кожатница*), *мокрушник*, *мокрытник*, *мясник*, *пол-пота*, *роялист*, *сериал*, последний как серийный убийца, *хомутник*.

Соответственно глаголы и существительные, называющие смерть, а также тело покойника, труп дифференцируются в жаргоне

1) по способу и причине смерти (*дубаря секануть*, *задубеть*, *накрыться мокрой*, *нарезать дубаря*, *окочуриться*, *отемнить*, *путёвку получить*; *амсба*, *загиб петрович*, *кранты*, *крест*, *крышка*, *курносая*);

2) по форме смерти и по виду после смерти (*доплыть*, *досрочно освободиться*, *коньки откинуть*, *надеть деревянный бушлат*, *перекинуться*, *скопытиться*, *сыграть в ящик*, *увянуть*; *жмурик*, *крантик*, *красивый дубарь*, *околеванец*, *подснежник*, *потемнённый*, *с биркой на левой (ноге)*, *стерва*, *чёрный цветок*, *шлак*, *шмур*).

Человеческая личность в головном менталитете никакой, как видим, собственной ценности не имеет. Ценность представляют

- а) место в иерархической лестнице;
- б) профессиональные навыки и мастерство;
- в) сила и опыт, подчиняющие себе окружающих, стоящих ниже на той же лестнице; а также

г) то, каким представляешься в глазах других, признающих или не признающих в тебе *авторитета*.

При этом основным правилом всех, весьма, надо отметить, варварских, законов уголовного общежития является своеобразная главная заповедь, звучащая так: *Не верь. Не бойся. Не проси* [Подр.: Chervinsky 1998]. Обратим внимание на то, что этот речевой оборот, или *триада-запрет*, заложена в основу текста первого нашумевшего шлягера российской группы *Тату* – и именно эта песня сделала исполнительниц ее популярными. Собственно, текст песни и состоит только из этой фразы уголовного содержания, многократно повторяемой несовершеннолетними девочками на все лады.

В этом и состоит, по мнению создателей скандального имиджа поп-группы, ее пикантность. Это подчеркнутое сочетание на невербальном знаковом уровне детскости (узнаваемая пионерская форма, огромные школьные банты, ранцы, тетрадки) и развратности (томные взгляды, сексуальные объятия, двусмысленные взаимные поцелуи). И, тем самым, подчеркнутое сочетание невинности и опытности, что используется в рекламных целях, прежде всего, в проституции (как сфере криминального бизнеса). Здесь также узнаваем специфический фрагмент уголовной картины мира, весьма дифференцировано описанной средствами жаргона.

#### Иерархия женщин и проституток

Семантическая дифференциация лексических единиц наблюдается, в частности, в контексте иерархической шкалы номинант, выраженных именами существительными, прилагательными либо причастиями и называющих

1) девушек (как сексуальный объект – *целка, тёлка, серячка, цыпа* и объект насилия – *телятина, сейф мохнатый*);

2) женщин (то же самое – *синеглазка, слаба на передок, тигрица и корова, рыба, скотобаза, мясокомбинат* + пригодность / непригодность сексуального объекта – *подстилка, сирена, пробу негде поставить, бессемянка, метла без палки, щенная сука, колода, корзина, деревяшка, бревно*);

3) женщин легкого поведения (по профессиональным признакам – *зажигалка, соска, сатана, дырявое войско, многостаночница*; по внешним признакам – *аида, сирена, королева, красючка, минога, мымра, свиноматка*; по возрастным признакам – *юя, эми, эстер, коза, рогажа трёпаная, стелька, клюка, кляча*; по стоимости услуг – *дешёка, камелия, мочалка, путана*; по месту услуг – *раскладушка, майданная бикса, шалашовка, шоферская бикса*; по способу услуг – *наездница, скрипка, двустволка, солистка, простодырка*; по отношению к милиции – *рокшана, шавка, падло, крыса, активистка* и так далее).

Иерархической лестнице подчинены в уголовном жаргоне также многочисленные глаголы, связанные с подчинением женского начала мужской силе и власти, с подчинением различными средствами, способами и физическими (избиение – *буксовать, венчать, веселить*; изнасилование – *жмокнуть, отшампурить, помыть крылышки*; убийство – *заткнуть, оборвать струну, перекрыть кислород*), а также психическими (унижение – *расцеловать*, т.е. плюнуть в лицо, *рогатку сделать, отдрючить, сделать бульдога*; оскорбление – *(по)ставить раком, открыть мохнатку, оприходовать, обломить*; презрение – *форшмак заделать, проветрить мозги, уделать,*

*умыть*; отвержение – *посадить на парашу, рассольчик слить*; издевательства – *долбать, дрынить, ломать рога, линчевать, остеклить, подковать козу*; групповые формы – *отхарить паровозом, протянуть кутком, пустить под трамвай*).

Женщина, как и гомосексуальный объект насилия (*козёл, петух, опущенный, голубой, говномес*), как нельзя лучше вписывается в контекст уголовных отношений. Здесь субъекту насилия (*агрессор, амурик, вампир, вурдалак, мохнорылый, шелкоматке, шерстяной вор*) и орудию насилия (*бадяга, инструмент, кочерга, машина, хлопущка, дунька, жало, финка, косарь, матка, сажало; вафля, дуло, затейник, монтировка, палка, паяльник*) всегда противопоставлена жертва (*барашек, живой товар, зайчик, курка, пуфик, хомячок*). Жертва хорошо вписывается в пространство насилия – тоталитарное бытие (широкое пространство) и существование в тюрьме, зоне (узкое).

#### Уголовная психология в дискурсе поп-культуры

Позволим себе еще раз обратить внимание на видеоклипы поп-группы *Tatu*, которые весьма в контексте нашей работы показательны. Выпущенный российском шоу-бизнесом для *Запада*, или как это называется на жаргоне за *бугор*, он разворачивается на фоне элементов лагерного быта – колючей проволоки, шарящих по земле прожекторов, наблюдательных вышек для *вохров* (внутренней охраны *зоны*). Такие же элементы антуража *зоны заключения*, в данном случае как элементы спекулятивного характера, присутствуют и в другом клипе дуэта *Tatu* – клипа песни *Нас не догонят*.

А клип песни *Белый плащ* инсценирует циничную в откровенной жестокости казнь полудетой беременной, практически на сносках, девочки в тюремном застенке, где отечественный антураж и стилизованная форма исполнителей становятся как бы «фривольным» намеком на времена культа личности (и не только на них). За этим, легко читаемым знаковым антуражем, отходит на второй план даже основная, с точки зрения уголовной психологии, заложенной в основу данного музыкального манифеста, идея: конфликт двух девочек, в результате которого один полуробенек (советско-набоковская *нимфетка*) предаёт мучительной казни другого полуробенка – за неверность, измену, предательство, демонстративно и преднамеренно совершая при этом двойное убийство. Садический контекст такой манифестации очевиден.

Тем самым, вербальный уровень текстов песен, будучи сознательной проекцией уголовных стереотипов советского мироощущения, преднамеренно подкреплен на невербальном, предметно-знаковом, уровне клипа визуальными образами, которые, по замыслу режиссуры

видеоманифестации, должны усиливать всячески подчеркиваемую ассоциацию: СССР, а затем Россия в целом – лишь *зона принудительного заключения*. Оттуда не дают сбежать, но маленькие слабые девочки пытаются это сделать, их преследуют за любовь друг к другу – специфическую форму отношений, характерных для женских лагерных бараков (впрочем, как и для женских учебных заведений закрытого типа, изолированных от мира монастырей, а также для этнических локусов, в которых весьма ослаблено по каким-либо причинам мужское начало).

Описание того, как массовая уголовная психология постсоветской *зоны* отражается в шлягерной поп-культуре, насквозь пронизывает последнюю во всех ее проявлениях (темы и образы, тексты и музыка), представляет в дальнейшем немалый исследовательский интерес.

#### Принцип неверия

Тот, кто в тюремно-лагерной среде *верит на слово*, проявляет свой *страх* или пытается что-либо *попросить*, становится, по неписаным жестоким законам, жертвой тех, в зависимости от которых он оказался – т.е. либо от *уголовника-рецидивиста*, либо от *начальника, начальничка*, надзирателя в тюрьме, лагере. Характерно, что на том же жаргоне *начальник лагеря социализма* – это И. Сталин. От него зависело все и вся, а потому и его тоже не следовало ни *бояться*, ни *просить*. И ему тоже не следовало *верить*. Таким образом, именно уголовным сознанием внутренне мотивированы в маргинальных средах общения модели коммуникативного недоверия – как на вербальном, так и на поведенческом уровнях межличностных отношений.

Поведенческие модели недоверия логически порождают речевые модели лжи. Кстати, на последних моделях, в частности, основаны, с одной стороны, 1) проверка в криминальной среде нового человека на *свой / чужой* (истинность / ложность его слов и поведения, знание *воровской фени*, знание и соблюдение законов группы, ориентация в иерархических отношениях ее членов), с другой, 2) инициация новичков (в преступной группе, тюремной камере, лагерном бараке, *зоне* в целом).

Поскольку в сообществе тоталитарного типа, к каковому до сих пор, к сожалению, приходится относить современную Россию, уголовные модели коммуникативных отношений приложимы в той или иной мере к любой области общественных отношений, а также, часто, ко многим сферам межличностных, то они, такие коммуникативно-поведенческие и речевые модели привносятся также в область даже официальных контактов. Только этим, к примеру, можно объяснить то, что по российскому международному каналу телевидения, с самой вы-

сокой государственной трибуны, звучали в 2005 году такие чисто *уголовные выражения-угрозы* лагерного происхождения периода сталинских репрессий, как то: адресатно направленное *они у нас будут землю жрать!* или же вроде бы полубезличное, в котором, однако, конкретные адресаты также подразумеваются и узнаваемы, – ...*(кого надо) заставим лагерную пыль лизать!* Тем самым специфические выражения *тюремно-лагерного жаргона* становятся в российском *новоязе* риторическими фигурами *языка политики* – причем как в крайне левом ее крыле, так и в официозном правом.

#### Примитивная картина мира, описанная жаргонными средствами

Языковые средства уголовного жаргона в сущности своей крайне бедны [См.: Лихачев 1992: 354-405; Chervinsky 2004]. Бедны они уже потому, что крайне ограничен круг понятий, которые этими средствами описаны и названы прямо либо опосредованно – узок круг субъектно-объектных отношений, действий, предметной атрибутивности преступного, а затем лагерного мира. Узок мировоззренческий кругозор, который, в силу тех или иных обстоятельств, оказывается доступен носителю этого жаргона.

С одной стороны, узость кругозора, а потому и узость видимой носителем жаргона картины мира порождает примитивность языковых единиц, средств, при помощи которых она воссоздается и описывается в субкультурной ментальности. С другой стороны, примитивность средств описания приводит к примитивному воссозданию самой картины и, как следствие, порождает примитивность такой картины.

Итак, уголовный мир примитивен. Примитивны тюремная жизнь и лагерное существование. И это естественным образом находит свое отражение в составляемых нами семи *тематических словарях уголовного жаргона*.

Так, первый из них, подготавливаемый сегодня к печати, называется *Материальные потребности уголовного и лагерного мира (тематический словарь)*. Лексика в нем подразделяется на следующие группы:

1. *Тепло / холод* (мир ощущений).
2. *Жилье / убежище* (мир предметов).
3. *Одежда / обувь* (мир предметов, первая необходимость).
4. *Питие / еда* (первая необходимость).
5. *Голод / жажда* (мир ощущений, первая необходимость).

В каждую группу, соответственно, объединяются лексемы, относящиеся к разным частям речи, а также устойчивые выражения, характерные для данного жаргона.

Второй жаргонный словарный фонд называется *Статусные отношения преступного и тюремно-лагерного мира (тематический сло-*

варь). Третий – *Статусные отношения в преступной группе, тюрьме и зоне заключения (тематический словарь)*. Четвертый – *Интеллектуальные запросы носителей уголовного жаргона (тематический словарь)*. Пятый – *Эмоциональные отношения носителей уголовного жаргона (тематический словарь)*. Шестой – *Акциональные отношения в уголовном жаргоне (тематический словарь)*. Седьмой – *Половые отношения в уголовном жаргоне (тематический словарь)*.

К сожалению, наметившаяся сегодня повсеместно тенденция экономить на развитии гуманитарных направлений международной науки, особенно на филологии, не способствует оперативной реализации проекта, в котором, еще несколько лет назад, были заинтересованы лингвисты ряда европейских университетов. Однако уже выполнена работа по составлению компьютерных баз данных и тематические корпусы жаргонной лексики находятся в стадии обработки, соответственно выработанной концепции словарной статьи.

#### ЛИТЕРАТУРА

Chervinsky A. «Садический язык» тоталитарного государства: новый термин и языковая действительность. // Терминология: изучение и обучение. – Минск, 1999. С. 97-99.

Chervinsky A. Лингвopsихологическая модель мира в русскоязычной криминогенной среде // III Jornadas Andaluzas de Eslavística. – Granada, 2004.

Chervinsky A. Психология зоны. Примитивный садизм. // Creativity & Communication Process. Вып. 1. Прил. III: Социопатия. – Jerusalem, 1998. 175 с. URL: <http://www.nicomant.org>.

Czerwinsky A., Nadel-Czerwinska M. Номинации национальной и религиозной принадлежности в русском и польском уголовных жаргонах. // Cudernos de Rusistika Espacola. Nr 1. [Red. R.G. Tirado, E.Q. Gervilla] – Granada, 2004. S. 179-188.

Czerwinsky A., Nadel-Czerwinska M. Номенклатура и фея. Уголовно-партийный жаргон как коммуникативная форма «советской зоны» // Slavica

Electronica Erfordiensis. – Erfurt, 1999. 155 с. URL: <http://www.slavica.ph-erfurt.de>.

Stkpnia K. Sownik tajemnych gwar przestkczych. – London. 1993.

Балдаев Д.С. Краткий каталог блатных татуировок (прил. 7). Рисунки осужденных за уголовные преступления (прил. 8). // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов. – М., 1992.

Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона. Т. 1-2. – М., 1997.

Барт П. Сад-И. [В:] Ad Marginem. Маркиз де Сад и XX век. – М., 1992.

Елистратов В.С. Арго и культура. // Словарь русского арго – М., 2000.

Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи. // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов. – М., 1992.

Czerwinsky A., Czerwinski P., Nadel-Czerwinska M. Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Worterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs. / Herausg. und eingel. von J. Hartung, Buchschtabe A. – VERLAG DR. KOVAC in Gamburg, 2001. 342 s.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Предисловие. // Большой словарь русского жаргона. – М., 2000.

Родари Дж. Джельсамино в стране лжецов. – М., 1961.

Скворцов Л.Н. Жаргон. // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. – М., 1997.

Червински А. Садический язык тоталитарного государства: лексический состав и специфика словоупотребления. // Slavica Quinqueecclesiensia IV. Linguistica. Translatologia. Cutura. – Pecz, 1998. S. 243-256.

Червиньская А. Иерархия потребностей: лингвopsихологический анализ русских арготизмов. // Новое в теории и практики описания и преподавания русского языка – Warszawa, 2003. S. 284-289.

© Надель-Червиньска М.,  
Червиньски А., 2009